

12+

Вячеслав Сафронов

Иона

Вячеслав Сафронов

Иона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67831373

SelfPub; 2022

Аннотация

"Санктпетербургския Сенатския ведомости №13 за 1877 год. Вторник 15 Февраля." "Возведение в почетное гражданство. Высочайшия повеления, объявленныя Правительствующему Сенату: Министром Государственных Имуществ. Декабря 31. Государь Император, по всеподданнейшему докладу Министра Государственных Имуществ, о награждении курьера Департамента общих дел Министерства Государственных Имуществ, отставного каптенармуса Тобольского пехотного полка Глашкина, за 36-ти летнюю усердную службу, 18 лет в строю и с 1-го Февраля 1858 года в должности курьера, в 20-й день Декабря 1876 года, Высочайше соизволил на возведение курьера Глашкина в звание личного почетнаго гражданства."

Содержание

От автора.	6
Книга первая. 1830-1880.	9
II	12
III	14
IV	16
V	18
VI	20
Глава вторая. Генеральский тариф.	23
II	25
III	27
IV	31
V	34
Глава третья. Канарейка.	36
II	38
III	40
IV	42
V	44
VI	46
VII	47
VIII	50
IX	52
X	55
Глава четвертая. Без вины виноватые.	56

II	59
III	63
IV	65
V	67
VI	69
VII	71
VIII	74
IX	77
Примечания.	79

Вячеслав Сафронов

Иона

Иона

Упомянутые лица и с ними происходившее имели место
быть.

От автора.

Как принято говорить в подобных случаях, "поводом для написания послужила...".

Поводом послужила запись в метрической книге о рождении дочери у моего прапрадедушки. Но, поскольку на тот момент с этой линией все было ясно, информация отложилась в памяти, не более. Сестра прадедушки, примем к сведению:

Метрическая книга из Тульской Духовной Консистории, Богородицкого уезда села Иовлево в Никольскую церковь на 1885 год. Л.295об.

"Мария, рождение 24 июня, крещение 26 июня.

Родители: 2-й батареи Гвардейской Конноартиллерийской бригады фейерверкер Василий Пименов Глашкин и законная жена его Евгения Иванова.

Восприемники: Почетный гражданин Иона Матвеев Глашкин и дочь солдата Мария Васильева. Священник Илья Никольский."

Обычная запись. Необычной была формулировка "почетный гражданин Иона Матвеев Глашкин".

Иона Матвеев был мне известен по прежним изысканиям. Брат прапрапрадедушки, родился в 1830 году, в рекрутах с 1847 года.

Ни брак Ионы, ни рождение его детей, то есть, то, на что обращают внимание в исследованиях по линии прямых предков, в метриках ранее не встречались.

На этом можно было бы и остановиться, если бы не очередной рутинный поиск по фамилиям в появляющихся время от времени новых источниках. Запрос выдал следующее:

Справочный листок Министерства Юстиции за 1880 год, № 8524:

"Глашкин, Иона Матвеевич, личный почетный гражданин, курьер министерства государственных имуществ, содержатель извоза. Родился в 1830 году. Обыскан и арестован 14 марта 1880 года. Привлечен к дознанию при Петербургском жандармском управлении по обвинению в знании о существовании кружка, в который входила его жена М. Глашкина."

Детективная, надо сказать история. Дальнейший поиск позволил выяснить новые интересные подробности.

При повторном просмотре метрик Иона нашелся еще один раз в 1857 году. В восприемниках сына его двоюродно-

го племянника значился каптенармус 4-й гренадерской роты Тобольского полка Иона Матвеев Глашкин.

И еще один из многих, впоследствии найденных, документов:

"Санктпетербургския Сенатския ведомости №13 за 1877 год. Вторник 15 Февраля."

"Возведение в почетное гражданство.

Высочайшия повеления, объявленныя Правительствующему Сенату:

Министром Государственных Имуществ.

Декабря 31. Государь Император, по всеподданнейшему докладу Министра Государственных Имуществ, о награждении курьера Департамента общих дел Министерства Государственных Имуществ, отставного каптенармуса Тобольского пехотного полка Глашкина, за 36-ти летнюю усердную службу, 18 лет в строю и с 1-го Февраля 1858 года в должности курьера, в 20-й день Декабря 1876 года, Высочайше соизволил на возведение курьера Глашкина в звание личного почетнаго гражданства."

В примечаниях к книге первой приведен список лиц, имеющих отношение к этой истории.

Книга первая. 1830-1880.

Глава первая. Курьер Его Высокопревосходительства.

I

Начало у этой истории обычное.

В 1830 году в Иевлево, что в Богородицком уезде Тульской губернии, у Матвея Михайлова сына Глашкина родился сын Иона. На этом история могла бы и закончиться, если бы в 1847 году Иону не призвали на военную службу, выражаясь казенным языком. Как и где он служил десять лет – не перескажешь. Служил хорошо, да и способностей у него хватало.

Как бы то ни было, но и служивым рано или поздно случается отставка, а после отставки уже штатского Иону Матвеева Глашкина удостоили звания почетный гражданин. Считай, благородие. Благородиям место, как известно, если не в Париже, то в Петербурге точно. Трудился Иона Матвеевич курьером в Министерстве имуществ, в самой Канцелярии Его Высокопревосходительства. С одной стороны Исакий златоглавый, с другой – германское посольство. И пере-

креститься можно и немцам фигу показать.

Должность у Ионы Матвеевича вроде и невеликая, но, не в пример канцеляристам, которые перьями скрипят без отдыха, не без приятностей. Со столоначальником, к примеру, поручаться можно, а то и с превосходительствами. Документ доставить всякому не поручат. Да и записочку личного содержания при случае. Начальство, оно, хоть и государственные люди, но и свои слабости имеет.

Министерств и департаментов в столице как лошадей в родном селе, всякой масти и под любую надобность. Только и успевай бумажки исходящие и входящие по назначению доставлять. Дело хлопотное, но не в кабинетской заперти, а в самом широком обществе. С одним словцом перекинешься, с другим начальство обсудишь, третьему совет дашь или, наоборот, о своих надобностях помянешь.

Так и жил Иона Матвеевич. К начальству уважение имел и знакомцами обростал и к пятому десятку стал уже совсем столичным жителем. Все хорошо, но, то тоска по родным местам одолеет, то хоть канарейку заводи, чтобы вечерами кого послушать и душевное участие проявить. Знакомцы знакомцами, но люди они семейные и внимания от них на всех приятелей не хватит.

Заведи себе Иона Матвеевич канарейку, и истории конец. Да вот только взял наш герой и женился и с этого история

настоящая и начинается.

II

Впрочем, "взял, да и" слово к Ионе Матвеевичу неприемительное. Ко всякому делу подход у него крестьянский, основательный. До службы и за сохой пришлось походить и хозяйству толк знал. А как военным человеком сделался, то тут уж без плана и стратегии никак.

Стратегию себе Иона Матвеевич наметил следующую. Человек он теперь городской, пусть и невысокого полета, но с другой стороны, с самим министром имуществ в Восточную войну в одном полку состояли. Это будущему жениху, несомненно, в плюс пишется. В минус, однако же, возраст и курьерская, не совсем денежная, должность. С годами ничего не поделаешь, а денежный вопрос при правильном подходе – дело поправимое.

Можно было бы стратегию умерить с вдовушкой-крестьянкой, но привык уже Иона Матвеевич к умственной обстановке, а с вдовушкой или с канарейкой без общественно-го понятия стратегия выходит ни то ни се.

Был у плана и недостаток. Потому как государственный вопрос прописан в циркулярах, а женский вопрос никакому описанию не поддается и вдовушка-крестьянка и барышня

с образованием и даже канарейка женского пола могут выкинуть такой фортель, что все министры и столоначальники только руками разведут.

И этот самый женский вопрос, как Иона Матвеевич ни планировал, чуть не сделал из государственного человека и почетного гражданина государственного преступника.

III

Надо сказать, что с женским вопросом не смог справиться и прародитель наш Адам, а Глашкины и вовсе потеряли свою природную мужскую фамилию и довольствовались женским прозвищем.

Виной тому неизвестная ли их прамасть Глафира, которая, не иначе, имела устную директиву от прабабки Евы по наставлению законной второй половины на путь истинный или местоительство в Глашкиной слободе – доподлинно неизвестно. Только и отец Ионы Матвеевича и дед его и прадед были Глашкины, а их сродственники остались при своей метрике. Говорят, первые жили особняком в своей слободе, но про то лучше иевлевцам известно, врать не буду.

Знаю только, что Исай родил Лариона, Ларион родил Михаила, Михаил родил Василия, Василий родил Илью, Илья родил Михаила, Михаил родил Матвея, Матвей родил Епимаха, Иону и Николая, Епимах родил Данилу, Максима, Акима, Василия первого, Василия второго, Лариона и Федора. Василий второй родил сына, а сын тот своего сына, а тот дочь.

А от дочери и я на свет появился. Так что женский вопрос и меня затронул. А герой наш Иона Матвеевич и племянники его родные Аким и Василий второй Пименовы случайным

образом, а может и от женского влияния, в Петербурге в эту историю и попали. И получается, что попал в историю и я, о чем и пишу без принуждения, как мне моя законная половина и наказала.

IV

Совсем уж безответными Глашкины, как и остальной иевлевский сильный пол, перед женским арьергардом не были.

Сказывают, при царе Алексее Михайловиче начальный человек Аггей Шепелев привел свой выборный полк в Богородицк и от тех московских служивых пошли богородицкие стрельцы и пушкари. Про то мог бы выпросить фейерверкер гвардейской конной артиллерии Василий второй Пименов Глашкин у своего командира генерала Шепелева, родственника того самого Аггея, но по занятости своей оставил историю с географией на потом. Спросить бы еще кого, но и бабушку свою, дочь богородицкого пушкаря, Василий и Иона Матвеевич не застали и вряд ли она интересовалась военным делом и мемуары расписывала.

Да видно московские служивые крепко в иевлевцах свою военную линию прочертили. У каждого в селе не по одному пушкарю и стрельцу в предках. А то, что историей и географией им недосуг было заниматься, то к этому мы со всем пониманием относимся. Только не было во всей Тульской губернии другого такого села, где бы столько душ обоего пола по военному ведомству числилось. Считай, двести с лишком

на четыре без малого тысячи иевлевцев. С конной артиллерии история эта в Иевлево началась и в Петербурге продолжилась.

V

Изрядная, однако, мешанина получилась. Тут и кони и люди и военные дела и любовные. Такой он, житейский клубок, а простота, как известно, не всегда самое лучшее приложение. Иногда и потерпеть приходится, чтобы все это распутать и к главному подойти с пониманием, а не с кружевными рюшечками.

Словечко смешное – точно как фамилия у Ионы Матвеевича. Ну кто он таков, Иона Глашкин, по имени и фамилии судя? Мужичонка недомерок пронирыливый, начальству угодник, себе на уме?

Чтобы не гадать напрасно, а лицом показать, хоть и не одобрил бы Иона Матвеевич хвастовства, пусть и в самом правдивом изложении, замолвим за него пару строк биографического свойства.

Мужичонкой недомерком Иона Матвеев Глашкин быть не мог в силу действующих установленных порядков. Даже самого пронирыливого мужичка мелкого роста не определили бы в гренадеры. Не пошло бы военное начальство на подлог, отправляя Иону в 4-ю гренадерскую роту Тобольского полка, потому что, при всей природной смелости начальства, не

полезешь на штурм неприятеля с маломерным формированием.

На то они и гренадеры, чтобы неприятелю рюшечки не мерещились.

Потрепали и турок за Дунаем и англичан с французами в Севастополе. Самому Императору про те подвиги докладывали. Про славную 4-ю гренадерскую роту, про полк их Тобольский.

И было на те крымские дела от Государя самое похвальное ответствие. Sic!

Так и служил гренадер Иона Глашкин от баталии до баталии восемь лет, а после Восточной войны определили их полк ближе к родным местам на поправку. Командир его, Александр Алексеевич Зеленой, в Петербург с повышением в царские министры отбыл, а старшего унтер-офицера Глашкина уважили начальственной должностью каптенармуса.

А как ему в Петербурге вся эта биография обернулась и как копеечке счет знал, но при этом не скупился, отделяя последнюю на добрые дела, и про генералов и лошадей и про любовь нежданную – не торопясь, все и поведедем.

VI

Петербург столичным жителям место привычное. Снуют по своим надобностям и по сторонам не глазают. Явись сам Император – ухом не поведут. А проезжающие в экипажах министры и генералы для петербуржцев безобидней кобылы. Больше пакостей от голубей и извозчиков ожидать приходится. Тут уж не зевай. У природных петербуржцев нюх на все эти препятствия как у шкипера в море. Услыхал "курлы-курлы" или "берегись", выдвинул плечико, бочком пролавировал и следуй прежним курсом. И так у них непринужденно получается – прямо загляденье. Иной приезжий этот политес за всю жизнь не осилит. Так и ходит разинув рот с выпученными глазами в неприглядном от голубей виде и с озлоблением на лошадиную тягу.

Поначалу Ионе Матвеевичу фарватер столичный тоже был в диковинку, но по военному опыту диспозицией он проникся быстро и от служебного присутствия до обители своей мог ходить хоть с закрытыми глазами и, как человеку непьющему, опасность по пути с моста навернуться ему не грозила.

И пути того – всего ничего. Две версты, да все по пря-

мой. Министерская дверь позолоченная припечатает пониже спины, развернув в нужном направлении, и правильный курс задаст.

Мимо Николая Павловича на коне – полубоком из уважения к царственной особе. А как за хвост зашел – смело можно к изваянию спиной вставать. Потому что теперь между тобой и Императором хоть и монаршей принадлежности, но лошадиный зад, а он по чину никак не выше курьера Министерства государственных имуществ.

С Вознесенского проспекта, что от министерства Иону домой ведет, не свернуть даже по незнанию. На Синем мосту держаться правой стороны и вся наука.

За Синим мостом доходные дома проспект подпирают. Люд в них всякий, но приличный. Столоначальники не брезгают пребывать с семействами. Делопроизводители, писмоводители, канцеляристы – в изобилии. Встречаются и купцы, которые не миллионщики. У семейных обитателей и барышни на выданье. Тут даже столичные прохожие не удерживаются и волей-неволей глаза косят на окружающую перспективу.

Следующий мост на проспекте – через Екатерининский канал. За каналом пейзаж такой же изящный до следующего моста через Фонтанку.

За Фонтанкой начинается Измайловский проспект, обустроенный когда-то для Лейб-гвардии Измайловского полка. Для Ионы Матвеевича – родная стихия. Гвардейцы со временем потеснились и бывшие их строения оставшим военным и прочим штатским под жилье уступили.

Здесь, в двух шагах от Фонтанки, и живет Иона Матвеев Глашкин.

1-рота Измайловского полка, дом номер 7, как в адресной книге и значится.

А где Иона свою барышню встретил, то в этом тоже никакой тайны нет.

Глава вторая. Генеральский тариф.

I

"Любезный брат наш, сударь Иона Матвеевич..."

"Министерский почерк у волостного писаря", – Иона подошел к окну, подставляя мелкую вязь под синеватую струю уличной иллюминации.

С родными Глашкин виделся нечасто. Да и родни у него, как у нищего одежек.

Старшие сестры давно замужем, младший брат Николай совсем мальцом был, когда Ионе в рекруты жребий вышел. Брат Епимах, вот и вся семейственность.

"Живем, не жалуемся. Племянницы твои Пелагеюшка и Аннушка, слава Богу, в замужестве определились. Средний Максим службу служит, шлет весточки. А мы, сударь наш Иона Матвеевич, с Данилой, Акимом, Василием большим и Василием меньшим на земле, что за батюшкой нашим была. А у Данилы, Акима, Василия большого женки и ребяташки, а Василий меньшей женихается."

"Землица, все добро и тяготы от нее", – Глашкин представил себе Епимаха, пересказывающего писарю нехитрую историю. Дюжина ртов на клочок пашни.

"Слава Богу, нам хватает, а много кто в Тулу нанялся по разным работам, а кто извозом промышляет".

Каменная столица равнодушно сверкнула моноклем газового фонаря и, не удостоив взглядом провинциальную петицию, простучала тросточкой к манежу Лейб-гвардии.

"И-и", – радостно поприветствовали холеные жеребцы родственную светскую душу.

"И, и", – невесело передразнил их Иона Матвеевич. – "И, и, ... Извоз. Да не тульский, а петербургский первостатейный. Ну да не таких уламывали. Столица, как девица, возьмем приступом".

II

"Любезный брат мой Епимах Матвеевич, по долгому размышлению об волнительном твоём положении касаясь семейных забот и неопределённого земельного состояния пишу тебе мною задуманное дело..."

Считать Иона умел. Видно, разглядело начальство в Глашкине сметливость и надёжное отношение, назначая его на должность каптенармуса. Ротный grossбух по части прихода и расхода содержался в образцовом порядке с точностью до полушки, а увесистый гренадерский кулак отбивал охоту поживиться за казенный счёт даже у взводных унтеров.

Пенсию от военного ведомства, 100 рублей серебром в год, Ионе Матвеевичу тратить было не на что, не считая родственной помощи. Обходился курьерским жалованьем и скопил после отставки от военной службы некоторую сумму, которая, как оказалось, вполне вписывалась в задуманное им предприятие.

"А если на то будет твоя воля и племянники мои не восперечат твоему отцовскому слову и брат наш Николай если

охоч будет и кто из них в Петербург под мою заботу прибудет
то ты, Епимах Матвеевич, мне о том сообщи..."

III

Смету на устройство извоза Иона определил такую:

- 3 лошади для легкового извоза по 40 целковых за лошадиную душу, приличествующую столице;
- 1 ломовая лошадь в 50 целковых для грузовых перемещений;
- упряжь и прочая амуниция – 20 рублей;
- 2 пролетки внаем по 10 рублей ежемесячно, да на кузнеца и ремонт из них же.

А если дело пойдет, за 200 рублей и собственной добротной пролеткой обзавестись можно;

- 30 целковых в месяц на размещение конного хозяйства и родственников, кого Епимах Матвеевич в Петербург к брату направит, а именно, с лошадьёю и телегой;
- 40 рублей в год казне налогов.

Итого, на первоначальное обзаведение – 200 рублей.

Да каждый месяц 50 рублей расходов на недвижимую часть.

Кроме того, в месяц на 5 лошадей:

сена – 120 пудов;
овса – 45 пудов;
отрубей – 15 пудов;
моркови – 22 пуда.

Итого, еще 110 рублей.

И 15-20 рублей на пропитание артели.

В сумме у Ионы Матвеевича расходов получилось:

- 200 рублей вынь да положь сразу;
- 180 рублей для круглого счета в месяц.

К доходной части Иона Матвеевич подошел с осторожностью.

На одну лошадь для людского перемещения, с учетом простоя и если не драть как лихачи:

– полтина в час на круг по шести часов в светлое время и три часа в ночное, хоть ночным пассажирам другой тариф назначен. Итого, четыре с полтиной в день;

– вполовину от этого на вторую лошадь, потому как и людям и лошадям отдых полагается, а наживаться на родне

Иона в мыслях не держал;

– в месяц Глашкин положил 30 дней. Три извозчика попеременно на двух рысаках сильно не уломаются.

Итого 200 рублей месячного дохода.

Ломовую лошадь держать для резерва, но в том, что на нее спрос будет, Иона не сомневался. Хоть целковый в день, а 15 рублей в месяц набежит.

По дебету и кредиту выходило чистой прибыли 25-30 целковых в месяц или 8-10 на ездока сверх полного довольствия. А там, как дело пойдет.

Вот такой минимум и изложил Иона Матвеевич брату Епимаху в письменном послании.

200 рублей на обзаведение и еще 90 на первый месяц и 45 на второй за его, Ионы, счет, а как иевлевская родня работой этой распорядится – им решать.

Себе он положил 7 с половиной целковых в месяц, начиная с третьего, на хлопоты, а если артель сверх того оделит, то и хорошо.

При плохом раскладе и ликвидации конного департамента выходил Ионе убыток 150 рублей серебром, но про это

Епимаху он не написал. От пятака не разбогатеешь, а если его на себя прикладывать и в ближнего пятаком тыкать, то выйдет рыло с пятаком.

IV

Нельзя сказать, что извозчиков в Петербурге не доставало. Калужские выходцы на Лиговке целый квартал под свои извозчицьи дела занимали. И жили там и лошадей содержали и трактиры и бани под них устроены были.

У каждого благопристойного казенного и увеселительного заведения непременно пролетки на дежурстве.

На Синем мосту, что у министерства, у извозчиков биржа, не протолкнуться. Ваньки, лихачи, пролетки, коляски. Гривенник или пятиалтынный с носа с их благородий за версту, а с подгулявшего купчишки и целковый сдерут. Пять, а то и все десять тысяч конных душ в полном столичном распоряжении.

Конкурировать с ними Иона не собирался. Курьер в министерстве не только государственные, но и, при случае, личные экспедиции устраивает. Экипажи не всякое превосходительство может позволить себе содержать, а на выезд по служебным надобностям отделяется по параграфу, а не по жизненному положению вещей. Положен столоначальнику гривенник на путешествие, а с него рожа с козлов два требует. А может и не рожа, а совестливый, но с него его начальствен-

ная рожа гривенник потребует. А кто из начальства молодой и с гонором, то, по неопытности, в перепалку с извозчиком встрянет, требуя законного тарифа, да городовым пригрозит. Только пройдет этот номер один раз, а на следующий такого ферта издали заприметят и такую пролетку подставят, что и прислуге зазорно в ней прокатиться будет. И поедет их благородие по тарифу, от стыда от знакомых отворачиваясь.

На такую оказию и столоначальники и кто помельче обращались к Ионе, если он от исполнения своих прямых обязанностей свободен был.

"Иона Матвеевич, голубчик, устрой ты мне к подъезду выезд поприличней по положению и параграфу".

Извозчики хоть и российский люд, но иные хуже турок и французов и тактика у Ионы против них была соответствующая. Штурм организовывал он с помощью знакомого городского. Городовые все сплошь из оставных унтеров, а служивые всегда между собой сговорятся.

Про турецкие порядки Иона не знал, а по российским параграфам и кобыле порицание найдется. А в порицаниях знакомец Ионы, будьте уверены, разобрался. Или стой без движения и приработка и выслушивай причитающиеся тебе параграфы, или пролетку к подъезду.

Хотели Иону припугнуть, а то и побить, но от гренадеров и ответное членовредительство не исключается. Тем паче, Глашкин не себе на корысть, а по казенной срочности в переговоры вступает. Тут порицание не только в бровь, но и по темечку ожидаемо.

Убыток от такого вооруженного нейтралитета гужевому сообществу, впрочем, был небольшой и шел в счет порицаний от городских. Так что, и параграф соблюдался и кобыле удовольствие.

V

На этой конфронтации Иона Матвеевич расчет свой и строил.

Семь копеек с половиной за версту против биржевого гривенника. Начальство переходит в Ионину экспедицию, экономя на параграфе две с половиной копейки (распорядиться ими на свое усмотрение оно сумеет, на то оно и при должности), а биржевым – освобождение от этой беспокойной комиссии.

На две пролетки выходило по расчетам 90 верст в день по полупятиалтынному тарифу.

Начальству Иона Матвеевич отмерил 40 верст в день. По сельским меркам выходит что и много, а по петербургским – не так чтобы. От министерства до причисленного к их ведомству Горного института три версты. И обратно те же три версты.

До министерства финансов – две с половиной версты, в дву потому. До министерства юстиции, где общие межевые вопросы решаются – две версты и назад они же.

Маршруты чиновничьи Иона изучил хорошо. Сам каждый день в посылках. Двадцать верст до обеда и десять в послеобеденную пору – если срочных дел нет. Двумя пролетками как раз поспеть.

Еще 10 верст, по 5 на холку, отводилось на утренний и вечерний моцион. Не все чиновники пешком на службу добираются, а перипетии с извозом, что служебные, что домашние – все одно. С Ионой надежней и спокойней.

50 оставшихся верст и чиновничьи выходные Иона Матвеевич положил не в семь копеек с половиной, а в пятиалтынный за версту по срочному столичному тарифу, так, что выходило 30 верст. Об этом у Ионы беспокойства не было. Спешных пассажиров всегда хватает, им капризничать себе дороже.

Итого 70 верст, а каждой пролетке, значит, 35. А на четыре кобылы, которые Иона с запасом запланировал – 17 с половиной верст суточного измерения.

На сам семь Иона Матвеевич не рассчитывал, а сам два по крестьянскому его разумению и опыту Бога не прогневят.

Вот такая конная арифметика, а кто сомневается, может сам сосчитать и поправить.

Глава третья. Канарейка.

I

Вставал Иона Матвеевич по давней своей военной привычке засветло, пусть и нужды в этом особой не было.

В службу до 9 часов поспеть, а ходу до министерства две версты. Нравилось ему постоять у парадного пока улица не наполнилась суетливым потоком и столичная перспектива, словно деревенская дорога, текла неторопливо по золотистому приволью и терялась в утренней дымке.

С конным хозяйством хлопот ему, считай, что и никаких. Артель свою он не направлял, как унтер новобранцев. У деревенских понятия и степенность с ранних лет обозначаются. С лошадьми управиться и малец сможет и провожатых им в Петербурге не требуется. Между Невой и Обводным каналом не потеряются, а на дальние поездки намерения не распространялись.

Следил, чтобы мздоимства и пустых порицаний над ними не творили, ну да городовые Ионину артель не ущемляли, а с биржевыми извозчиками у Ионы нейтралитет.

Вечером соберутся всем миром, благо, что в одном стро-

ении обитают, прикинут, что к чему и что завтрашний день принесет, вот и вся генеральная линия.

Под извоз Иона снял двор и комнаты в доме по соседству, так что перемещаться из дома номер 7 по 1-й роте в дом номер 9 незатруднительно. А на деле это и вовсе один дом, приклеенный двумя стенами к единому парадному.

Публика в доме проживала спокойная, если не считать обитателей долгового отделения, а в просторечии Тарасовой ямы, названной так по имени домовладельца. Впрочем, квартировало здесь за долги исключительно благородное сословие.

II

У утренней перспективы было одно досадное свойство. Направо ширь и макушки собора, на левом же фланге – беспокойное учреждение с хитрым именем Практический Технологический Институт.

Обучались в нем купеческие и мещанские недоросли, но из их запертого в четырех стенах состояния научное волнение наружу не проникало.

Портили перспективу разночинные вольноприходящие Технологического института, снимавшие углы и комнаты в близлежащих переулках.

Орда, как называл их Иона, сбивалась по утрам в стайку и неслась в науку по широкой тропе 1-й роты. Завидев гренадерскую фигуру Ионы Матвеевича, умиротворенно вкушающего утренний вакуум, ученая орда сотрясала перспективу вольнодумными эпитетами.

"Эй, дядя, айда с нами в науку!"

Иона беззлобно грозил орде кулаком, этим, до следующего набега, дело и заканчивалось.

Прикипела к Ионе и перспектива и, будто в награду ее почитателю, явила из утренней дымки ... Её? Создание?

Нужного слова Иона, как ни старался, ни в военном, ни в служебном лексиконе подобрать не смог.

III

Очередная демонстрация флага орде едва не закончилась конфузией. Приподняв привычно гренадерскую длань, Глашкин вдруг стушевался, что с ним не случилось даже при встрече с французскими шер ами.

За ордой следовала, а лучше сказать, плыла, барышня. Не имея намерений оскорбить нежное создание причитающейся вольнослушателям салютацией, Иона совершил полуманевр и нарочито истово перекрестился на купола Троицкого собора.

– Бесов изгоняете, батюшка? – не удержалась и рассмеялась барышня.

– Благодарение возношу, матушка, – в тон ей ответил Иона.

– Какая же я матушка? – обиделось создание.

– Такая, что мне ровня выходит по Вашему обращению, – разъяснил Глашкин. – Барышням в новоустроенном при Адмиралтействе саду интерес прогуливаться. А здесь люд непарадный .

– Ну и я непарадная, – отрезала несостоявшаяся матушка. – Благодарю за совет, сударь, только где прогуливаться и

какой люд в парадные записывать, позвольте мне самой выбирать. Люд за знаниями идет, а Вы их за шутов держите.

От такой несправедливости Иона даже расстерялся.

– За баловством они здесь ходят, а не за знаниями. Да что Вам объяснять.

– Снизойдите, – не уступала барышня. – От науки и ум и справедливость. Вам, милостивый государь, не понять нового, по-старому привыкли.

Тут создание и само смутилось и потупилось.

– Вы, барышня, простите, если обидел. По-старому от науки знания, а не ум. А справедливость, как молоко. Сначала все одинаковое, а как настоится – кому сливки, а кому водица. Против Вашего присутствия я ничего не имею, а наоборот...

И, смутившись в свою очередь, прибавил тихо, чтобы слышно было только ему.

– Вот мне и канарейка.

Следующие дни Иона выходил на перспективу не в партикулярном домашнем, а в служебном облачении.

IV

Создание звали Мария Ивановна. Об этом Иона осмелился спросить при третьей встрече. Барышня жила при родителях в тех же Измайловских ротах и прогулки предпочитала совершать в уединении перед занятиями.

С родителем Марии Ивановны Иона Матвеевич, как выяснилось, имел шапочное знакомство, ограниченное до сей поры раскланиваниями при случайных встречах в службе.

Мелкий чин, причисленный хлопотами жены к столичному департаменту, не имевший, однако, никакой дальнейшей возможности по служебному продвижению. В свет, вопреки ожиданиям супруги, ход провинциальным выдвиженцам был не то чтобы заказан, но надежно прикрыт чиновничьей иерархией, происхождением и средствами, а приданого дражайшей половины хватило только на подношения и учителей для дочери.

Несмотря на то, что Глашкин в этой иерархии не приблизился даже к первой ступеньке и по должности своей стоял ниже нижнего канцеляриста, общаться ему, по обязанностям курьера Канцелярии Министра, надлежало с чиновниками

по особым поручениям и столоначальниками, о чем батюшка Марии Ивановны и мечтать не мог.

Что касается средств, то военная пенсия Ионы Матвеевича вкупе с курьерским жалованьем и доходом от извоза ставили нового старого знакомца в весьма незавидное положение.

Дело оставалось за малым. Как к этому отнесется его любимая канарейка.

V

Как искать подход к барышням "по-новому", Иона не знал и в этом Мария Ивановна была, безусловно, права.

"По-старому", через родительское одобрение и благословение – неопределенность выходит. С родителями столкнешься, а невеста выдаст кандидатуре эмансипированный отвод. В столице правила другие. Не уездный городок и не село, где девицу не спрашивают.

Все же Иона Матвеевич, за неимением ясности в щекотливой ситуации, решил действовать по старинке, а там, как стратегия вывезет.

В департамент, где трудился родитель Марии Ивановны, Иона навещался редко. Для такой надобности младших курьеров в достатке. Стратегия же требовала не почивания на командном возвышении, а действий в непосредственной близости со стороной будущего, как рассчитывал Иона Матвеевич, союзника.

"Что-то ты зачастил к нам в департамент, Иона Матвеевич", – присказывал столоначальник, расписываясь в получении очередной бумажной мелкости.

"Засиделся в кабинетах", – шуточно отвечал Иона, оглядывая присутствие. Приметив родителя, Иона Матвеевич с почтением наклонял голову.

"Да и по старым местам соскучился. Как вспомню, как начинал, да сколько приятственных людей по службе повидал, ей-богу, слеза и навернется".

"Что же Вы, Иона Матвеевич, со всеми знакомство держите?" – удивлялся родитель при очередной "случайной" встрече.

"Регистраторами еще начальство наше любезное помню," – намекал Глашкин. – "А до каких высот поднялись".

"Государственные дела устраивают. И казнят и милуют", – давил Иона, размягчая родительскую крепость.

На военном семейном совете решено было Иону Матвеевича по служебной и соседственной близости позвать в гости.

VI

В экспедицию за Канарейкой Иону снаряжала вся артель. Полторы версты до Петергофского проспекта постановили преодолеть конным переходом. Освобожденного по такому случаю от исполнения прямых гужевых обязанностей жеребца отскоблили до неузнаваемости, устранили неуместную скрипучесть пролетки. Выезд оформили ненадеванной упряжью, а кучера праздничным кафтаном.

На сюртук Ионе Матвеевичу приладили скромный его иконостах из трех медалей: за Севастополь на Георгиевской ленте, за войну 1856 года на Андреевской и по гражданскому ведомству за усердие на Станиславской.

Блестящему излишеству Иона поначалу воспротивился, но супруга управляющего домовладением, которую женский департамент о предстоящем выступлении незамедлительно поставил в известность, вынесла окончательную резолюцию.

"Коли ввязались в такую комиссию, то послушайтесь, сударь, моего женского совета и не скромничайте, будете меня еще благодарить".

VII

Переговоры возглавила матушка Марии Ивановны. Смекнув, что за эдаким форсом кроется не служебный и соседственный визит, родительница ответила встречным наступлением.

И, если Иона Матвеевич готовил штурм загодя, матушке хватило пяти минут, после употребленного Ионой этикета: "Счастлив, что свиделись снова, Мария Ивановна. За парад прошу покорно простить, по одежке не судите".

К графинчику мадеры самым незаметным образом присоединился графинчик с наливкой.

Батюшка виновницы хлопот магнетическим супружеским взлядом был передвинут ближе к двери.

На его место, напротив Ионы Матвеевича, матушка не без некоторого, но, по используемой мягкости, не бросающегося в глаза, усилия усадила Марию Ивановну.

Сама родительница села сбоку, что при обычных условиях было не вполне светски, но при данных обстоятельствах облегчало восприятие чувственного эфира между молодыми, буде таковой наметится.

Сражение, по новой диспозиции, супруге и матушке предстояло вести одновременно в двух фронтах, служебном и сердечном. При этом, конфузия на сердечном направлении не прибавляла выгоды и к служебному вопросу.

– Три годка соседствуем, а случай все никак не представился. До столицы мы знакомствами не обделены были, а здесь и по службе мало кто знаетя и приятельственных отношений сторонится. В дружеском окружении и времяпровождение с пользой и поддержка взаимная.

Мария Ивановна досадливо повела плечиком от матушкиной реляции.

"Что же Вы, сударь, торговать меня пришли?" – донес до Ионы мысленный эфир.

– Не могу не согласиться, – поддакнул Глашкин родительнице, стоически принимая эфирные искры. – Объяснить это могу только столичным радением за все в государстве происходящее. От того образуется недостаток времени личного характера. Но смею Вас уверить, на службе и уважительное отношение присутствует и усердие без начальственного внимание не остается. И хоть начальство наше слухам не доверяет, похвальное слово впустую не пропадает.

– Мы издали судим, – парировали Ионе. – По недолгости

нашего положения. Вы, сударь, давно в министерстве трудитесь?

– Пятнадцать лет как. Добрым ко мне отношением прежнего нашего министра в службе был устроен.

– От чего же такая протекция Вам вышла?

– Из военного моего прошлого, сударыня. Нас, первоначального Тобольского полка, после Севастополя мало кого осталось. Я, да министр. Такая вот горькая шутка. Но и сейчас не обойден, раз при канцелярии меня держат.

VIII

По сословному положению стороны перевеса не имели. Иона из крестьян, родитель из подьячих, хоть и с чином. Службу дочери не передашь, да и по службе без поддержки, пусть и пустячной, не продвинешься.

Перед вторым заходом, а, пожалуй, и главным, матушка Марии Ивановны устроила передышку. В конце концов, дочери обустроиваться, не силой же из-за похвальной перспективы в чужие руки отдавать.

– Распорядись, чтобы голодом нас не заморили. Займи гостя, Машенька, новомодными твоими разговорами.

– С удовольствием, маменька. Иона Матвеевич к новомодному охотник.

Иона вздохнул. Покалывание от эфирных искр сменилось эфирными же коготками.

– Вы читали в последнем томе "Русского вестника" "По поводу нового романа графа Толстого"?

– Не удосужился, – огорчился вопросом Иона.

"Что пытаешь, Канарейка. Сама знаешь, не до чтения мне", – передал эфир.

– А что Вы думаете о Достоевском? – упорствовала Мария Ивановна. – Не кажется Вам, что общественный вопрос у него острее, чем у Толстого?

– Не кажется. Общество не мыслями Достоевского должно жить, а своими. Достоевский жизненной остроты не прибавит, да и соломки не подстелит. А последний том "Русского вестника" я непременно прочту. "По поводу спиритических сообщений господина Вагнера".

Спиритическими сообщениями, столовращениям и стологоворениями увлекалась все та же супруга домоуправляющего и последние новости в этой научной области распространялись по дому едва ли не раньше их появления в столичных журналах.

"Ах, матушка, удружила ты мне спиритизмом", – унеслось в эфирную к домоуправительнице.

– Пожалуйте к столу, просим, – возвестила родительница об окончании передышки.

IX

– Ох и дорога столица, – сетовала матушка.

За столом вернулся обычный порядок. Иону Матвеевича усадили рядом с Марией Ивановной, родительская чета составила им визави.

– Ведь и при службе и сбережения кое-какие, а копеечку считаешь и пересчитываешь. Нам-то много не надо, была бы дочь в достатке. Образование ей дали, на учителей не жалели, а теперь голубка наша и сама барышень наставляет. И как другие устраиваются?

– Про других, сударыня, не скажу, – к кульминационному маневру Иона был готов и обошелся без экивоков. – Что касается меня, долгов не имею, содержание мне от военного ведомства 100 рублей серебром в год, да по нынешней службе 250 рублей в кредитных билетах выйдет. Кроме того, содержу извоз и чистого моего дохода от него, потому как лошади и пролетки теперь в моей полной собственности, 30, а в какой месяц и 35 рублей. А как я по сию пору несемейный человек, то и сбережений на черный день накопил.

– Обстоятельный Вы человек, Иона Матвеевич. Дела без спешности ведете, по старому порядку.

– Видно, и по-новому придется, – Иона покосился на Марию Ивановну.

Машеньку, перед приговором, услали похлопотать к чайному приготовлению.

– Как ясно Вы все изложили, не то что нынешние. Машеньке двадцать первый год, образована, а в изложении сплошная путаница. И общество у нее не то и порядки устарели. А с Вами от беседы не устаешь, как бы мы есть одного поколения, что по Вашей представительной фигуре и сказать затруднительно.

– По службе мне выходит пять десятков лет, от того и ясность в беседе.

– Да не многовато ли, батюшка? – испугалась родительница.

– А по природному состоянию на десяток лет меньше, – успокоил ее Иона. Отступить ему было некуда.

– Удивительная арифметика, – подал голос родитель, до того молча потреблявший наливку, пользуясь тем, что супруге было не до него.

– Десять лет мне за десять месяцев в Восточную войну по государевой милости определили, вот и вся арифметика. По-

жалуй, теперь Вы про меня все знаете, что для нашего знакомства обоюдная польза.

Родительница заметила наконец, что наливки уменьшилось в достаточном для нервного томления супруга количестве. За чаем беседа не велась и вскорости гость откланялся.

Х

"...Сам и ныне, Владыка, ниспошли руку Твою от святого жилища Твоего и сочитай этого раба Твоего Иону и эту рабу Твою Марию, ибо по воле Твоей сочетается с мужем жена...

...Ибо Твоя власть, и Твои – Царство, и сила, и слава...

Венчается раб Божий Иона рабе Божией Марие во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

Венчается раба Божия Мария рабу Божиему Ионе во имя Отца, и Сына, и Святого Духа."

Полетели счастливые денечки без счета. В месяце недели, в году месяцы.

А счет вышел в году 1880 от Рождества Христова.

Иону и Марию Глашкиных арестовали в ночь на 14 марта.

Глава четвертая. Без вины виноватые.

I

Арестовали Иону Матвеевича и Марию Ивановну в ночь на 14 марта.

Еще в феврале, после взрыва в Зимнем, защемило у Ионы сердце.

– Оставила бы ты свое правдоискательство, – уговаривал он жену. – Не дитя, чтобы в игры играть. Просвещение, справедливость. Человеку что ни подай, все о животе своем в первую очередь думать будет. И что тебе за дело до разночинцев? Тщания их от тщеславия. Из пустоты порожнее родят.

– Да ведь ты сам сколько натерпелся от несправедливости. Кому-то чины, поместья, а тебе за боль и усердие медаль копеечную. "Вот тебе, Иона, новый хомут, носи и благодари". А родственники твои? От земли едва кормятся, а земля кому? Тем же "благородиям". Не первый этот разговор у нас, – обижалась супруга.

– Разговор не первый, только и ты никак не поймешь, что за польза от ваших собраний. Который месяц об одном и том же. Родню мою помянула, а если бы они не сеяли, а на собраниях причитали, справедливости больше было бы? Ты сама из благородных, не желаешь ли сеять? Или разночинцы твои променяют разговоры на соху? Канарейка ты моя разлюбезная.

– Оставь, – Мария Ивановна досадливо поморщилась. – Они не себе добра ищут. Больше знают, дальше видят. Ты прав, не у сохи, но и умственная деятельность не пряник. Голова одинаково болит.

– Что же дальше, как там дальше? Надумали уже? – невесело пошутил Иона Матвеевич. – Ты про чины и хомут сказала. Хомут по-новому кому будет? А чины? Несправедливости много накопилось. Но чины и хомуты не вдруг объявились. Всякому своя служба была, по службе и пряник. Хомутом меня впредь разночинцы будут миловать. А заслужили они такой почести?

– Не будет ни чинов, ни хомутов и люди другие будут.

– Прямо Царство Божие. Люди по заповедям не уживаются, а от просвещения, гляди, размякнут. Или от землицы добавленной. Еще злей и притворней станут, дай срок. И спра-

ведливость новым хомутом обернется. Незримым, но от того развратным. Люди и рады бы по справедливости, но на человека всегда вошь найдется. При материализме вашем или при другом порядке. А может и при царствии небесном, прости господи.

II

Крытую карету, чтобы не привлекать ненужного внимания, оставили на углу Царскосельского проспекта. На пролетке прихватили в 3-й роте сонного околоточного надзирателя и городского.

Жандармский офицер был немногословен. "Будете присутствовать. В разговоры с подозреваемыми не вступать". Два унтера из жандармского наблюдательного состава пристроились на пролетке сбоку, от чего у околоточного возникло неприятное ощущение, что конвоируют его.

Остановились не у парадного, а ближе к резиденции митрополита, так, чтобы не было видно из окон доходного дома.

"Дворника сюда", – бросил офицер городовому и кивнул унтеру, чтобы тот проследил.

Глашкины жили в верхнем этаже в трех комнатах, куда Иона перебрался после обручения с Марией Ивановной. Стараниями жены управляющего домом к венчанию квартиру обставили, не забыли и про шкаф для книг, что были за невестой. На другое приданое Иона и не рассчитывал.

– Иона Матвеевич, – поскребся в дверь дворник.

Унтер через его плечо, ненастойчиво, но достаточно громко пристукнул два раза костяшками пальцев.

Дверь открыли почти сразу. Последнее время Ионе было не до сна и визита он хоть и не ждал, но подобная картина не раз появлялась в полусонном ночном его бдении.

Унтер живо оттеснил дворника, шмыгнул ужом за спину Ионы Матвеевича и там замер, как статуя в Летнем саду.

– Разбудите жену, – продвигая Иону в темноту квартиры, распорядился офицер.

Второй унтер, чуть отставив в стороны руки, словно загоняя кур, втиснул околоточного, городского и дворника в прихожую.

– Мария Иванова Глашкина, Вы подозреваетесь в участии в революционном кружке союза рабочих. Иона Матвеев Глашкин, Вы подозреваетесь в дононительстве на антиправительственную организацию, – покончив с законными формальностями, офицер деликатно отвернулся к окну, делая вид, что высматривает что-то на темной и безлюдной улице.

Глашкин знал, что Мария Ивановна слезу не пустит и,

воспользовавшись деликатностью, обратился к жандарму, глядя при этом на околоточного.

– В службу бы сообщить, господин штабс-ротмистр. День завтра присутственный.

Околоточный глаза не отвел. Жандарм живо обернулся, осмотрел присутствующих.

– Сегодня, – поправился Иона, переводя взгляд в пол.

– В установленном порядке, – почти что крикнул штабс-ротмистр и повторил, обращаясь ко всем одновременно. – В установленном порядке.

"Однако излишняя осторожность. Не сбегу же я", – подумал Иона.

Впрочем, в министерстве имуществ циркулировали слухи, что при Дворе обратили самое пристальное внимание на небрежение некоторых чинов к казенным землям.

"Не хотят полошить раньше времени. Дело мое хоть и политическое, но внимания и по имущественной части прибавится", – пришел к заключению Глашкин.

– Проследите, чтобы нам не мешали, – прибавил офицер

околоточному.

Жандармский унтер повторил движение руками, отправляя полицейские чины за дверь. Околоточный поморщился, собрался было спуститься вниз, за ним увязались городской и дворник, на что унтер покачал головой.

– Велено дожидаться здесь.

III

Обыск ничего не принес. Три дюжины книг пролистали со всей тщательностью, позвенели столовым серебром на две персоны, заглянули за иконы, да пнули кота, путающегося под ногами.

Жандарм, уже не такой напористый, зачитал постановление о задержании для дознания, еще раз проявил деликатность, дав Марии Ивановне возможность переодеться, вызвал второго унтера для сопровождения задержанных и велел дворнику кликнуть к парадному казенный экипаж, заго- стившийся у особняка митрополита.

Иону Матвеевича и Марию Ивановну свели вниз, усадили с унтерами в пролетку, которая спустя пять минут вернулась от Царскосельского проспекта, но уже без пассажиров. Жан- дармский офицер сел в пролетку и был таков.

Околоточный закурил папиросу, сделал пару жадных за- тяжек, делая вид, что только того и ждал за время этих, его напрямую не касающихся, хлопот. Из парадного вывалился дворник, отмахиваясь от Иониного артельщика.

– Что же Иона Матвеевич и Мария Ивановна? – артельщик кинулся к околоточному.

– Служба, – процедил тот.

– На Шпалерную отправили, должно быть, – поддакнул дворник.

Околоточный погрозил ему кулаком. Артельщик, недоумевая от такой отповеди околоточного, который считался Ионе в приятелях, растерянно переводил взгляд с полицейского на дворника.

– Служба, – удивляясь такой непонятливости, повторил околоточный и ткнул артельщика пальцем в плечо. – некогда мне разговоры вести, до утра часок вздремнуть бы. День сегодня присутственный.

– Свечку за избавление поставь, – равнодушно добавил он. – Мимо Исакия вам все одно по пути. Да не скупитесь.

IV

Швейцар министерства государственных имуществ в службу являлся не по отведенным чиновникам часам. За два часика, а то и раньше. Пока министерство пусто, он здесь хозяин. За наведением блеска проследить, по перилам платком пройтись, не притаилась ли пылинка. На каждый уголок свой работник по чистоте поставлен, а швейцар им и министр и отец родной.

А с половины восьмого, при параде, при белых перчатках, встречает первых служащих, кто помельче и кому спать долго не положено. Топчется у двери, бронзовую скобу полирует, выказывая усердие.

Речь околоточного артель истолковала в верном направлении. Швейцара с шести утра высматривали из пролетки у Синего моста.

– Что тебе, паря? – недовольно бросил швейцар вертящемуся недалеко от входа зеваке нечиновного вида.

– Иону Матвеевича, по делу, вроде здесь он в службе.

– Рано еще, он при начальстве, бумаги к такому часу не доставляют.

– Ты вот что, любезный сударь, – зевака перешел на ше-

пот. – Не оставь, Христа ради.

Прохожий огляделся и незаметно приложил к белой перчатке швейцара сложенную вчетверо синенькую пятирублевую бумажку.

– Иону Матвеевича ночью на Шпалерную свезли, в дом заключения. Никак, по пустому оговору. Шепни, родимый, какому начальственному чину, может и не дадут сгубить невиноватого.

– Ну меня жалобить, – запихивая бумажку в перчатку таким же незаметным образом, ответил швейцар. – Я здесь на порядок поставлен, а не нашептывать. Знать тебя не знаю и не видывал. Ступай, пока городского не кликнул.

– Ну, понял, что ли? – покивал он головой, как бы грозя навязчивому наглецу.

Зевака кивнул в ответ, отошел от двери, перекрестился на Исакия и рысцой припустил к своей пролетке.

V

– Извозчики с утра галдят, шельмы, – отворяя дверь и кланяясь очередному чину, притворно досадывал швейцар. – Курьера нашего на Шпалерную к политическим свезли, сказывают. Как будто им дело какое до этого. Пустомели, языками чешут.

– Да тебе, голубчик, что за забота о чем извозчики болтают?

– И правда Ваша, Ваше высокоблагородие, простите старика. От невежества моего померещилось, что от такого пустяка пятнышко на заведении нашем проявится. На Шпалерной спросят, кто такой, где числишься. А курьер им – к государственным имуществам приписан. Просмотрели, скажут, злодея.

– Фантазии, любезный, – скажет чин, а сам слушком поспешит поделиться.

К приходу в присутствие господина министра, тайного советника, статс-секретаря, светлейшего князя Ливена новость об аресте личного министерского курьера успела обсудить вся чиновная рать.

О происшествии доложили столоначальнику, столона-

чальник доложил начальнику отделения, начальник отделения доложил вице-директору, вице-директор доложил директору Департамента общих дел.

Директор Департамента не счел нужным утаивать новость от господина министра. Кто просмотрел злодея, решать лично его светлости. Бюрократическая машина сработала со всем, присущим ей, усердием. Если и держать ответ, то по субординации, а до тех пор и руки умыты и честь соблюдена.

Андрей Александрович Ливен, и без этого испытывая некоторое душевное неудобство от слухов, касательно присвоения казенных земель, за обедом поделился курьезом с министром юстиции.

– Дмитрий Николаевич, я понимаю, фантазии могут быть у кучера. Но, право, следовать не духу и букве закона, а мистериям не пристало и гимназистам. Не показное ли рвение скрывается за действиями подчиненных Петра Александровича. Говорят, он в последнее время редко бывает *en bonne et due forme*. *Vous me comprenez*.

VI

Министр юстиции и генерал-прокурор Дмитрий Николаевич Набоков вполне понимал Андрея Александровича.

Сугубо штатские – как два отставных служивых. Понимают друг друга с полуслова.

Околоточному надзирателю, отставному унтеру, хватило пары слов, сказанных ему бывшим унтером Глашкиным.

Иона Матвеевич вряд ли рассчитывал на особенное к нему отношение и высокое покровительство в таком деликатном вопросе. Но о штатской министерской кухне и кто с кем чай предпочитает распивать, был прекрасно осведомлен.

Помнил он о натянутых отношениях прежнего своего министра, а ныне председателя Кабинета министров, Петра Александровича Валуева с бывшим главноуправляющим III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии Петром Андреевичем Шуваловым, помнил о негласном соперничестве чинов гражданских и полувоенных ведомств, о Высочайшем терпении к первым и Высочайшем благоволении ко вторым.

Был свой резон и у Дмитрия Николаевича. По его юридическому пониманию, полномочия, переданные III Отделению по дознанию и следствию в политических делах, соот-

носились с полномочиями кота, приставленного к сметане.

Пресекать и недопускать – да. А коли не пресекли и допустили, то от расследования извольте держаться на расстоянии. Последствия от непресекновения и допущения не менее, а может и более губительны, чем от смуты.

Впрочем, Дмитрий Николаевич прекрасно понимал, что III Отделение не молот, а нечто между молотом и наковальней. То, что удерживает горячую массу, а какую форму этой массе придадут – вечный вопрос о молоте и наковальне. Лбами столкнутся, да так, что искры полетят, или изящную вещь выкуют.

Были у Набокова сомнения и другого рода. Штатских "чижиков" в училище правоведения казуистике не один год учат. Жандармские же чины – военная косточка. Кавалерийский наскок против мужичка с хитринкой – весьма, весьма сомнительный подход.

И хитринку не разгадаешь и наскок отскоком аукнется.

VII

До понедельника, 17 марта, Иону не беспокоили. Пятничный, присутственный день, все попутал. А в субботу спешить было уже некуда. Прокурорские своих жандармских коллег ни о чем не спрашивали, делами не интересовались и даже не преминули посочувствовать, не без казуистики. Две недели сроку жандармскому ведомству на дознание, до обидного мало. Закон-с. А далее другая епархия, по ведомству юстиции.

Иона по одиночному своему помещению в доме предварительного заключения не метался. Мария Ивановна в свободе ограничена, но к благородному сословию и строгости благородные. Канарейка в обморочное состояние от нелюбезной беседы с дознавателем впадать не станет. Не тот характер. Агитацию ненужную в запале тоже не начнет. Приучилась к сдержанности в дискуссиях с Ионой.

А Ионе Матвеевичу не грех и хитринку в ход пустить и время потянуть.

Жандармский подполковник, назначенный по делу в дознаватели, после предварительного ознакомления с обстоя-

тельствами понял, по карточному своему опыту, что на шампанское рассчитывать не приходится. Не те карты.

Кружок при Северно-русском рабочем союзе и заправляют там не кисейные барышни и не студенты-недоучки. Этих в планы посвящать поостерегутся. Для интересующихся и сочувствующих организуют формальную говорильню, а в случае чего ими же и прикроются.

За интерес и копыя ломать не стоит, а сочувствие и к кошке можно проявить. Глашкина хоть и правдоискательница, но не наивна до такой степени, чтобы в их заведении душу изливать.

Но, на войне, как на войне. И с такими картами можно рискнуть. Марию Ивановну решено было пока не беспокоить.

На первом допросе подполковник с исключительной вежливостью и предупредительностью поинтересовался здоровьем и душевным состоянием Марии Ивановны.

"Не имею намерений, сударыня, пользоваться ситуацией и превратно истолковывать сказанное Вами в волнении, возможно, опрометчиво и необдуманно. Обстановка, Вы уж нас простите, не располагает к беседе в равных условиях. Успокойтесь, голубушка, придите в себя. Здесь отличная медицина, я распоряджусь, чтобы наше светило взяло Вас под свое

покровительство. Герман Леонтьевич – добрейший, интеллигентнейший человек. Надеюсь, беседа с ним Вас немного ободрит. А наши разговоры оставим на потом. На потом, не спорьте, не спорьте."

"Вот так-то, чижики", – мысленно обратился жандармский чин к прокурорским. – "Две недели, если бы не приключившееся волнительное состояние. Не спорьте, не спорьте."

"А через неделю от неопределенности у фигурантки и волнение проявится."

VIII

– Ну-с, Иона Матвеев Глашкин, в революцию потянуло? – Дознаватель наткнулся на взгляд Ионы и понял, что избрал ошибочную тактику. Этот служака, если упрется, и две и три недели слова не скажет. – Устал, устал, вот уже и прибаутками изъясняюсь. Месяц, со дня покушения на Его Императорское Величество, без отдыха. Но, рук не опускаю. Следую военному моему долгу и присяге. Отечеству от революций, как и от внешних напастей равное зло. Вы, как военный человек, должны меня понимать.

"Не то, не то. Какая, к черту, революция. У него жена под стражей, а я ему про Его Императорское".

– Что с Вами приключилось? "Обысканы, задержаны..." Отписались, а мне расхлебывать. Кстати, имел честь беседовать с Марией Ивановной. В порядке, в порядке, не беспокойтесь. Легкое нервное потрясение. Не сомневаюсь, без умысла попала в революционную, с позволения сказать, стихию. Могу представить себе ее состояние от осознания ошибочного сего шага. И сам бы рад поскорее покончить с этой кутерьмой. Объяснимся, как говорится, и распрощаемся.

– Простите, господин подполковник, я не понимаю, в чем обвиняют мою жену и меня, – сделал свой ход Иона.

– И я не понимаю, любезный. В протоколе значится: "участие в кружке" и, соответственно, "знание о существовании кружка". Что прикажете мне отписать на это?

– Участие или подозрение в участии? – уточнил Глашкин.

– С точки зрения буквы закона, подозрение возникает на основании наличия сведений о том или ином действии, – прибег к казуистике дознаватель. – Если подходить к этому формально, сведения, в достоверности которых нет сомнения, суть доказательства. В Ваших же интересах развеять эти сомнения с моей, если пожелаете, помощью. Готов Вас выслушать.

"Не позавидуешь чижикам. Как бы самому не запутаться", – подполковник промакнул лоб, изображая участие в судьбе Глашкиных.

– Вы сказали, "кружок", – прикинулся мужичком Иона, – Это что-то вроде сходки? Для воровства или других умыслов?

– Именно, что для умыслов. Вы абсолютно точно разились.

– А что умышляли? Что в сведениях про это сказано?

"Знал бы я, что "умышляли", ты бы по другому у меня за-

пел", – жандарм сделал вид, что ищет в деле нужную бумажку, чтобы не встречаться с Ионой взглядом.

– Послушайте, Глашкин, Вы не могли не знать, где и с кем проводит время Ваша жена.

– Я жену в четырех стенах не держу. Я на службе, жена при хозяйстве. На рынок ходит, родителей навестит, подружек давних, о писателях модных посудачит. В Петербурге это не в диковинку, мы как все, – Иона уперся взглядом в подполковника. – Если это кружки, то полстолицы с умыслом.

"Черт тебя дери. Послушал бы вот такой Глашкин, что за разговоры ведутся в их карточных застольях, в каторгу уpek бы. А о чем моя супруга болтает на своих девичниках и представить страшно".

IX

Промучившись с Ионой до вечера пятницы, дознаватель выписал постановление об освобождении.

22 марта, в субботу, Иона первым делом сверился со своим гроссбухом, затем обошел адвокатов.

Подполковник, не желая признавать поражение, продержал Марию Ивановну еще две недели.

14 апреля, в пятницу, Глашкину выпустили под особый надзор полиции.

В августе было упразднено III Отделение, отправлен в отставку министр внутренних дел. В сентябре дело о Глашкиных по соглашению министров внутренних дел и юстиции было прекращено. Марию Ивановну, как выяснилось позже, оговорила вдова титулярного советника Елизавета Петровна К. Имела ли титулярная советница виды на Иону Матвеевича или кот Глашкиных, недолюбливающий Елизавету Петровну, тому виной, кто знает.

Правовед Набоков в умозаключениях своих оказался прав. Все не то.

Переживший за пятнадцать лет семь покушений, Алек-

сандр II погиб в марте следующего, 1881-го, года.

Примечания.

Персоналии к книге первой в порядке упоминания.

Глашкин Иона Матвеевич,
род. 08.06.1830 в селе Иевлево Богородицкого уезда Туль-
ской губернии,
личный почетный гражданин,
на военной службе с 1847 года,
участник обороны Севастополя в составе Тобольского пе-
хотного полка 22.10.1854 – 27.08.1855,
медаль "За защиту Севастополя" на Георгиевской ленте,
каптенармус 4-й гренадерской роты Тобольского полка с
1856 года,
курьер Департамента общих дел (Канцелярия министра)
Министерства государственных имуществ 01.02.1858 – ок.
1885,
серебряная медаль "За усердие" для ношения на шее на
Станиславской ленте 1878,
золотая медаль "За усердие" для ношения на шее на Ста-
ниславской ленте 25.11.1881,
ок. 1872 – 1902 содержатель извоза в Санкт-Петербурге
по адресу Измайловский полк 1-я рота, 7-9,

содержался под арестом по делу жены с 14.03 по 22.03.1880

—

Глашкина Мария Ивановна,
род. 1852,
урожденная Федорова-Струбинская,
получила домашнее образование,
проходила по делу Северно-русского рабочего союза в
марте-апреле 1880 года.

—

Глашкин Епимах Матвеевич,
род. 31.10.1825,
брат Глашкина И.М.

—

Федорова Анна Федоровна,
род. 1825,
мать Глашкиной М.И.

—

Зеленой Александр Алексеевич,
1818-1880,
генерал от инфантерии,
командир Тобольского пехотного полка во время оборо-
ны Севастополя 22.10.1854 – 27.08.1855,
товарищ министра с 1857, министр государственных иму-
ществ 1862 – 1872.

—

Валуев Петр Александрович,

1815-1890,

действительный тайный советник,

министр государственных имуществ 1872 – 1879,

председатель Комитета министров

1879 – 1881.

–

Толстой Лев Николаевич граф,

1828-1910,

писатель,

участник обороны Севастополя.

–

Достоевский Федор Михайлович,

1821-1881,

писатель,

проживал в ротах Измайловского полка,

эпизод с "Тарасовой ямой" (дом содержания неисправных должников, 1-я рота, 7) приведен в романе "Идиот".

–

Тарасов Николай Степанович,

1800-1870,

потомственный почетный гражданин,

купец 1-й гильдии,

домовладелец,

–

Тарасов Николай Алексеевич,

1853-1918?,

внук Тарасова Н.С.,
домовладелец.

—

Эвенгоф Николай Андреевич,
священник 1859 – 1874 домово́й церкви по 1-ой роте, 7.

—

Кудрявцев Евгений Васильевич,
диако́н 1860 – 1874, священник 1874 – 1876 домово́й
церкви.

—

Новоселов Александр Трофимович,
Алексеев Демид Трофимович,
швейцары дома министерства государственных иму-
ществ.

—

Ливен Андрей Александрович светлейший князь,
1839-1913,
тайный советник,
товарищ министра с 1872, министр государственных иму-
ществ
25.12.1879 – 25.03.1881.

—

Набоков Дмитрий Николаевич,
1827-1904,
действительный тайный советник,

министр юстиции, генерал-прокурор
30 мая 1878 – 6 ноября 1885.

–

Черевин Пётр Александрович,
генерал-майор,
начальник III отделения Собственной Его Величества
канцелярии
март – август 1880.

–

Зуров Александр Елпидифорович,
генерал-майор,
Санкт-Петербургский градоначальник
9 мая 1878 – 8 мая 1880.

–

Комаров Александр Владимирович,
генерал-майор,
начальник Петербургского губернского жандармского
управления 1878 – 1883.

–

Любимов Василий Михайлович,
подполковник,
пристав 1-го участка Нарвской части,
угол 3-ей роты и Тарасова переулка.

–

Миних Павел Филипович,
поручик, помощник пристава.

—
Гарфинкель Герман Леонтьевич,
доктор медицины,
врач Дома предварительного заключения, Шпалерная, 23.